Я вдохнул ману, позволяя всплеску ощущений и облегчения взять верх. Не представляю, как я раньше жил без нее. Это было все равно что найти скалу, за которую можно ухватиться в бушующем океане. Затем из глубины всплывало лицо, глаза были пусты и безразличны: иногда это был Кильвиус или Неттари. Иногда это был Таск. Ветер снова поднимался, разрушая безмятежность и повергая океан моего внутреннего спокойствия в хаос.

Я задавался вопросом, как это удается моему отцу. В какой-то момент своей жизни он должен был что-то почувствовать. Как минимум, чувство вины, если не раскаяния. И все же он оставался совершенно невозмутимым и безразличным. Я мог бы списать это на то, что он был монстром-убийцей, но на самом деле это было не так. Он не заботился о своих детях, но я не раз видел, как он по-доброму относился к моей матери, когда для этого не было никаких прагматических причин. В первые годы их брака у него родилось несколько бастардов времен войны, но не было ни разговоров, ни слухов о более поздних похождениях. Поэтому было логично предположить, что он что-то чувствует к ней. Таким образом, упрощая, он тоже что-то чувствовал. Только в меньшей степени.

Не хотелось быть похожим на отца. Сама мысль об этом была отвратительна. Но если это означало успокоить бушующий во мне океан потрясений, то, возможно, у него можно было чему-то научиться.

— Если вы достаточно восстановились, постарайтесь расшевелить цель. — Глубокий голос Ралакоса отвлек меня от мыслей и вернул к текущему делу. Я сосредоточился, глубоко копаясь в ярости, заставляя океан моего ментального пространства бушевать. Я выпустил ярость наружу, на бумажную фигурку на столе в пяти футах от меня — лошадку, сделанную из сложенной бумаги, и почувствовал легкое восхищение, когда поток воздуха прошелся по волоскам на моей руке.

Бумажная лошадка поднялась на задние ноги, как будто намереваясь встать на дыбы, но внезапно и неожиданно передумала. Я зарычал во все горло, сжимая кулаки от разочарования. Я мог вспомнить всё, как будто это было вчера, как подхватывал демонов, словно они были пушинкой, и швырял их в сторону. Разница между той ночью и сегодняшним днем была настолько огромной, что почти причиняла боль.

Что же изменилось?

Ралакос был в восторге, услышав новость о моем втором пробуждении, и стал бросаться излишне комплиментарными словами: «Одарённый» и «Гений». Слова, которые, как правило, никогда не применялись ко мне раньше. Его энтузиазм сиял, даже когда он увидел мизерность моих нынешних способностей. Я не понимал, почему. По сравнению с демоническим огнем, элемент воздуха был практически бесполезен, даже в своей самой первичной форме, которая, по совпадению, была единственной формой, доступной мне. Я пробормотал что-то в этом духе Ралакосу, который только покачал головой в своей раздражающе загадочной, мудрой манере.

— Вы чересчур практичны. Что бы вы сказали о шахтере, который выбрасывает драгоценный камень, замурованный в камень, ради обнаженной бронзы, лежащей рядом, только потому, что это менее хлопотно? — спросил Ралакос.

— Ужасный шахтер, — проворчал я. Выражение его лица стало укоряющим и странно угрюмым.

— Да. Потому что только дурак меняет долгосрочный потенциал на краткосрочную выгоду.

Как-то неожиданно он провел меня мимо личной библиотеки, где обычно проходили наши занятия, вверх по длинной винтовой лестнице в фойе и через запутанный лабиринт залов в личный тренировочный зал, примыкающий к его кабинету.

Я воспринял это как признак того, что он наконец-то воспринимает меня всерьез.

Вместо традиционных мишеней, таких как соломенные человечки или кольца, в зале был ряд хрустальных сфер, которые измеряли магическую мощность с точностью до десятичных цифр. Некоторые из них стояли отдельно на столбах. Другие были закреплены на «ветвях» чего-то, очень похожего на проволочное дерево. Идея заключалась в следующем: при попадании в сферу она вращалась, заставляя корректировать направление удара, одновременно измеряя силу маны, впитанного элемента.

Ралакос признался, что они не были особенно точными для чего-либо, кроме измерения сырой маны. Он продемонстрировал это, произнеся три заклинания. Простой огненный шар, струя воды и камень размером с мой кулак. Уровень силы, источаемой его магией, увеличивался экспоненциально с каждым заклинанием, заканчивая валуном, который заставил железное дерево бешено вращаться. Тем не менее каждая из них показывала одно и то же число. Демонический показатель был равен двадцати пяти, ровно половина шкалы.

Отметка один была настолько мала, что с ней мог справиться даже недавно пробудившийся ребенок, а отметка пятьдесят обычно появлялась только при использовании таких заклинаний, которые лучше не произносить внутри, особенно в зачарованной комнате.

Но даже в элементальной форме легкий ветерок, возникший в результате моей попытки использовать магию воздуха, даже не был учтен. Со вспышкой жара я послал простой огненный шар в ближайшую сферу-мишень. Она засветилась тусклым красным цветом, показывая значение тринадцать.

Как я ни старался, порыв воздуха не вызывал числа. Отсюда и бумажная лошадка. Магия воздуха в корне отличалась от демонического огня. Демонический огонь словно создавал что-то из ничего. В один момент он был тут, в другой — исчез. Магия воздуха была похожа на попытку получить доступ к невидимой и неосязаемой сети, соединяющей весь мир. Она казалась слишком масштабной.

Я перепробовал все. Сжимал воздух в ладонях в одну точку, и с помощью рук формировал направление. Задействовал больше мышц в движении. Это казалось глупостью и ребячеством.

Хуже того, воздух потреблял значительно больше маны, чем демонический огонь. Меньше чем за полчаса я выдохся, пот выступил на лбу, зрение по краям затуманилось.

А глупая лошадь все не двигалась.

С последней каплей запасенной маны я метнул маленький шарик демонического огня, расширив пламя в момент удара и испепелив бумажную фигурку за долю секунды.

— Ваш контроль над пламенем впечатляет, — сухо сказал Ралакос, — Но я должен поинтересоваться, что бедная лошадь сделала вам. — Он подошел к трибуне и быстрым движением смахнул пепел со своей мантии. Я со смесью удивления и приглушенной зависти наблюдал, как он вертит в воздухе лист бумаги над своей рукой, завершая серию замысловатых загибов. На этот раз он создал дракона. Дракон опустился на его ладонь, хлопая крыльями, а затем слетел с его ладони на подиум.

— В вас что-то изменилось. — Ралакос оглядел меня и погладил свой подбородок. — Я так понимаю, это как-то связано с тем, о чем упомянула Неттари.

— Что именно она упомянула?

Улыбка Ралакоса была скудной.

— Что мой дом не в таком порядке, как я когда-то думал. И что наш общий друг готовит опосредованную войну.

Значит, Неттари уже поговорила с ним. Я приготовился к шквалу вопросов об источниках информации и был удивлен, когда их не последовало.

— Забавная деталь. Неттари состроила почти такое же лицо. — Губы Ралакоса сжались. — Я давно ее знаю. Она не из тех, кто ищет заговоры. Конкретные детали досадно туманны, но она кажется убежденной. А после вашего чудесного восстановления после повреждения души стало совершенно очевидно, что с вами связано нечто большее, чем кажется на первый взгляд.

Это было логично, хотя отсутствие любопытства показалось странным.

— Каковы же наши дальнейшие действия?

— Наши? — рассмеялся Ралакос. — Это не в силах ребёнка. Если Гемон действительно намерен настроить весь анклав против вас, с этим мало что можно поделать. Я присмотрю за ним со стороны. Он изолировался в своем жилище большую часть недели, ссылаясь на болезнь. Притворную или нет.

— Звучит как бред, — сказал я. Намерение Ралакоса исключить меня было небольшим сюрпризом. Неттари была поверенной, а не чудотворицей. Но что-то в идее, что Гемон прячется в своем доме, не понравилось мне.

Если бы я участвовал в заговоре такого масштаба, первым делом я бы сделал себя как можно более заметным. Отсутствие резко ощущается в подобной ситуации, когда тысячи пострадавших ищут в своей памяти что-нибудь необычное и виноватого. Соблюдение моего обычного распорядка будет иметь решающее значение, любое отклонение от нормы — возможный сигнал. Спрятаться на длительное время перед переворотом было бы равносильно подписанному признанию.

Гемон не был гением, но я, по крайней мере, считал его умнее.

— Горстка моих самых доверенных людей будет следить за его обителью, — сказал Ралакос. — Я сообщил об этом избранным, все они заранее дали клятву принуждения. Если он уйдет, я узнаю об этом. Если кто-то придет навестить его, я узнаю об этом. Всё практически уже решено. — Ралакос пожал плечами. Его слова и поза излучали уверенность.

Как бы не было приятно верить, что эту проблему можно решить с помощью пристального наблюдения, я не мог поверить в это. Ралакоса там не было. Он не видел непринужденной жестокости нападения. Как демоны сметали всё на своем пути.

Зрение пришло в норму. Вместо того чтобы размахивать руками в воздухе, как ошеломлённый, я потянулся к воздуху и попытался направить, как учился направлять пламя. Небольшая группа белых мелких частиц и пылинок собралась вокруг моей руки, поднялась к плечу, а затем рассеялась.

Я чуть было не запустил еще один огненный болт в новую фигурку, но потом передумал.

— Что насчет Эфиры? — спросил я.

— Что насчет Эфиры?

— Ей можно доверять? Она поддержала Гемона на суде, или, по крайней мере, планировала так поступить.

— Все изменилось. Тогда вы представляли собой неопределенную смесь неприятностей с небольшим положительным эффектом. Потом вы продемонстрировали свою ценность. Та маленькая торговая сделка с гномами была блестящим ходом. — Ралакос зачерпнул воды из восьмигранного сосуда в углу. Вода стекала с его рук по диагонали. Я наблюдал, испытывая некоторую зависть. Плетение заклинаний часто было красивым на вид, наполненным сложными движениями и замысловатыми переплетениями маны и элементальных частиц — элементальные были, по сравнению с этим, довольно грубыми. Но Ралакос не создавал эту воду, он притягивал ее, а значит, то, что я видел, было чистым манипулированием элементами. Уровень контроля был невероятным.

— Вы совсем не беспокоитесь из-за нее? — спросил я с сомнением. Вода перепрыгивала из сосуда в сосуд, иногда меняя направление или вообще не подчиняясь гравитации.

Ралакос усмехнулся.

— Я всегда переживаю из-за Эфиры. Эта женщина настолько привязана к золоту, насколько оторвана от реальности. Такой женщине невозможно доверять. С другой стороны, предсказать действия подобных ей очень просто.

Я обдумал это, чувствуя странное ощущение в своих порах, когда я впитывал окружающую ману из воздуха. — Если ее целью является материальная выгода, возможно, ее попытаются подкупить со стороны.

Вода бросилась мне в лицо, я увернулся, бросив взгляд на Ралакоса.

— Просто убеждаюсь, что вы сохраняете контроль, — сказал Ралакос. — И не стоит недооценивать количество золота, получаемого от святилища и, соответственно, Эфиры.

Это было правдой, что я мало что знал на этот счет. В магической составляющей Анклава было так много нюансов, что я не обращал особого внимания на экономику.

— Значит, ее нельзя купить.

Он ткнул в мою сторону пальцем.

— Я этого не говорил. Более того, цена такого подкупа, скорее всего, настолько непомерна, что любой, кто захочет так поступить, скорее всего, прибегнет к другим методам. Кровь всегда дешевле дипломатии.

Вода поскакала к ближайшему ко мне сосуду, прямо через бумажную лошадку. Я в последний раз потянулся за воздухом, представляя с боку чашу. Поток воды ударился о невидимый барьер и проливным дождем обрушился на бумажную лошадку внизу, опрокинув ее.

Я едва не издал вопль триумфа, прежде чем, демонстрируя невыносимую демонстрацию мастерства, поток воды, казалось, двинулся в обратном направлении, вплоть до отдельных капель, собрался на подиуме и поднял бумажную лошадку. Я смотрел, не отрывая глаз, как бумажная конструкция — когда-то размокшая и сплющенная — становится такой же сухой, как в тот момент, когда Ралакос ее создал.

Я уставился на него.

— Это жульничество, советник.

— Осквернение чести уважаемого инфернала. Как грубо. — Сказал Ралакос, рассеянно взмахнув запястьем и направив струю воды обратно в первоначальный каменный сосуд —

Знаешь, я только что понял, что вам нужно.

— Что?

— Обращение к вновь пробужденной стихии — трудная задача для любого мага, но она не должна быть такой сложной. Вы не проходили классического обучения, так что это объясняет отсутствие эффекта. Тем не менее я сам видел данталион, ваши способности не должны быть настолько слабыми. Я бы сказал, что неуверенность в себе — ваше главное препятствие. Конечно, стресс — это важный фактор, это всегда так, но в данный момент у вас проблемы с ощущением самого элемента.

— И каков же выход? — спросил я. — Трудно определить, что именно действует, когда ничего из того, что я делаю, не приводит к значительным результатам.

— Если запрячь вола, он быстро научится выполнять эффективные движения, чтобы уменьшить нагрузку. Вам нужен толчок.

Я вдруг смутно понял, о чем он говорит, и слегка вздрогнул, вспомнив, как деревянный меч ударялся о землю с такой силой, что вздымал грязь.

— Поможет маг пустоты. И я знаю именно такого. — Ралакос улыбнулся.

http://tl.rulate.ru/book/77890/2449797